

Евгений ЧИРИКОВ

АЛГЕБРА И ГАРМОНИЯ СОФЬИ КОВАЛЕВСКОЙ

Этот небольшой очерк возник из желания почитать память Софьи Ковалевской, со дня рождения которой нынче исполнилось 170 лет. Кто-то знает о ней больше, кто-то меньше. Многие не идут дальше истины, достаточной для решения кроссвордов: «Первая женщина-математик». Но она может (и должна) считаться также значительной русской писательницей.

Перескажу её биографию предельно кратко. Родилась в аристократической семье в 1850 году. В детстве, по её словам, была глубоко убеждена, что станет поэтессой. Однако увлеклась математикой и позже училась в Германии, так как в России женщинам не разрешалось иметь высшее образование. Специализировалась Софья, урождённая Корвин-Круковская, на дифференциальном исчислении. Чтобы на законных основаниях выехать за границу, вступила в фиктивный брак с палеонтологом и геологом Владимиром Ковалевским. Позже брак перешёл в настоящий, родилась дочь.

В 1871 году независимые взгляды привели Софью вместе со старшей сестрой Анной и её мужем Виктором Жакларом в самое пекло Парижской коммуны. Жаклар сражался на баррикадах, а сёстры выхаживали раненых в грохоте артиллерийской канонады.

Личная жизнь Софьи потерпела крах в 1883 году, когда застрелился муж. Он ударился в предпринимательство (строительство каменных зданий) и запутался в финансовых делах.

Защитив докторскую диссертацию, Софья Васильевна начала вникать в проблему из области вращения твёрдого тела, над которой ранее безуспешно бились такие умы, как Эйлер, Лагранж и Пуассон. Ей удалось, проявив блеск мысли, решить эту труднейшую проблему, за что Парижская академия наук удостоила её премии. Стокгольмский университет охотно принял высокоучёную даму на должность профессора, и она вполне уютно чувствовала

себя в шведской столице. Однако жизнь этой необычной женщины преждевременно оборвалась из-за воспаления лёгких в возрасте 41 года.

С. Ковалевская писала и театральные рецензии, и стихи, и повести. Она оставила замечательные мемуары – «Воспоминания детства». Стихи её не назовёшь яркими, а вот проза изумительна. В неоконченной повести «Нигилистка», посвящённой Н. Г. Чернышевскому, непредвзято обрисованы и он сам, и его соратники по журналу «Современник». Среди них мы встречаем нашего хрестоматийного знакомого – Николая Алексеевича Некрасова, описанного не так, как в старых учебниках литературы.

В его лице есть «выражение хитрое и хищное; взглянув на это лицо, с первого раза трудно было определить, кому оно принадлежит. Но Некрасов – поэт, и притом поэт, в настоящую минуту наиболее популярный в России. Молодёжь, однако, восхищается только его стихами; к нему же лично она относится сдержанно и с некоторым недоверием. В своих звучных, чудных, стальных стихах он воспевает те же идеалы, к которым и она стремится. Но сам своей личностью, своей жизнью он молодёжи не отдаётся. В редакцию журнала он является, только когда есть дело. Вся же остальная часть его существования идёт своей особой линией. Он очень богат, живёт в роскошных палатах, куда молодёжь и не допускается, вечера проводит в английском клубе и с кокотками».

В занимательно написанных «Воспоминаниях детства» выделяются две главы о Ф. М. Достоевском, поистине драгоценные, на мой взгляд. В одной из них рассказывается о страстной и неразделённой любви писателя к Анне, сестре Софьи, ослепительной красавице, а при этом сама 15-летняя Софья горела к нему любовью.

Другая глава воспроизводит ощущения Достоевского в день казни петрашевцев, поведенные им самим. Пытка ожиданием расстрела достигла заключительных мгновений. «Жить мне оставалось, как я полагал, всего каких-нибудь пять минут. Я их отсчитал, чтобы думать про себя. Мне всё хотелось представить себе, как же это так? Теперь я есмь и живу, а через пять минут буду уже нечто, кто-то или что-то совсем другое.

С того места, где я стоял, виднелась церковь с золочёным куполом, который так и сиял на солнце. Я помню – я упорно глядел на этот купол и на лучи, от него сверкавшие, и странное вдруг на меня нашло ощущение: точно лучи эти – моя новая природа, точно через пять минут я сольюсь с ними. Помню, то физическое отвращение, которое я почувствовал к этому новому, неизвестному, было ужасно.

Но вдруг произошло что-то необычайное. По близорукости я ещё ничего разглядеть не мог, а только почувствовал, что что-то совершилось. Наконец я увидел, что по площади скакал во весь дух по направлению к нам офицер, махавший белым платком.

Это государь прислал нам всем помилование. Оказалось впоследствии, что помилование наше было решено наперёд, да действительно возможно ли бы...» – так кончается эта глава.

Иной раз в современных публикациях встретишь фразу вроде: «В 1861 году было отменено крепостное право», лишь скользкую по краю нашего сознания. А юные годы Софьи Ковалевской прошли на фоне этого великого события. И в повести «Нигилистка» она дала картинку, благодаря которой видно, какое это горе, когда одних людей лишают удовольствия иметь в рабах других.

«У мамы, разливавшей в эту минуту кофе, бесильно опустились руки; ложечка зазвенела о блюдечко, и несколько капель кофе пролились на дорожную скатерть.

– Mon Dieu, Mon Dieu*, – проговорила она, падая в кресло и закрывая лицо руками.

Все присутствующие сидели как ошеломлённые дядиными словами.

– Неужели действительно совсем уже решено? – тихим, насильственно-спокойным голосом спросил папа.

* Боже мой, боже мой (фр.).

– Совсем и нерушимо! В начале февраля манифест разошлут по всем приходским церквям, чтобы девятнадцатого объявить его народу, – помешивая свой кофе, отвечает дядя.

– Значит, остаётся положиться только на милость Божию, – со вздохом говорит папа.

Несколько минут тяжёлого общего молчания.

– Господи, да ведь что ж это? По-моему, это грабёж, да и только, – раздаётся вдруг голос старика Семёна Ивановича – папиного дяди.

Он вскакивает в волнении со своего места и ударяет кулаком по столу. Белые волосы его развеваются вокруг разгорячённого, гневного лица».

Повесть, собственно, о том, как юная и красивая девушка Вера Воронцова (в другой авторской интерпретации – Баранцова) порывает с тем словом, которое вскормило её в барской неге, и примыкает к революционной молодёжи – нередкое явление в 70-х годах XIX века. В конечном счёте она вступает в фиктивный брак с осуждённым на каторгу революционером-пропагандистом и этим поступком, идя с ним в Сибирь, спасает его от гибели. Иными словами, жертвует собой во имя идеала. Тем самым С. Ковалевская – кстати, как никакой другой писатель – раскрыла тему женской души и показала вершину подвига русской женщины.

Несколько произведений Софьи Ковалевской издавались в Швеции. Они так и остались не переведёнными на русский язык.